
**ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ КАК НАУКА.
ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА**
Памяти А.Е. Махова

УДК 821.161.1

DOI: 10.31249/lit/2024.02.01

ДОВГИЙ О.Л.¹ «ПРОРЫТЬ В ГОЛОВЕ КАНАЛЫ...»: О РЕФЕРАТАХ А.Е. МАХОВА[©]

Аннотация. Статья представляет собой первый опыт системного осмысления корпуса из 260 рефератов, написанных А.Е. Маховым для журнала ИНИОН «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение» с 1998 по 2018 г. Анализируется тематика рефератов, выделяются ключевые темы, органически связанные с основными научными мирами ученого (эмблематикой, историей европейской и русской поэтики, историей европейского романтизма, отношениями музыки и слова, средневековой христианской демонологией), их структура (особое внимание уделяется финальному пуанту), их стиль (лучше всего его определяет любимое маховское слово *lucidus*); отмечаются следы влияния реферируемых источников на авторские сочинения Махова, переключки с его устными выступлениями, лекциями для студентов. Проведенный анализ позволяет по-новому определить место рефератов в научной сис-

¹ Довгий Ольга Львовна – доктор филологических наук, старший научный сотрудник кафедры литературно-художественной критики и публицистики факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; olga-dovgy@yandex.ru

© Довгий О.Л., 2024

теме Махова; увидеть в них своего рода творческую лабораторию ученого.

Ключевые слова: А.Е. Махов; рефераты; реферативный журнал ИНИОН.

Для цитирования: Довгий О.Л. «Прорыть в голове каналы...»: о рефератах А.Е. Махова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2024. – № 2. – С. 9–30. – DOI: 10.31249/lit/2024.02.01

DOVGY O.L.¹ “Digging channels in my head...”: on A. Makhov’s summary papers[©]

Abstract. The article represents the first attempt to review the corpus of 260 summary papers written by A. Makhov for the INION journal *Social and Humanitarian Sciences. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary Studies* from 1998 to 2018. The topics of these papers are analyzed, and the key ones are identified that are organically connected with the main research fields of the scholar (emblematics, the history of European and Russian poetics, the history of European romanticism, the relationship between music and words, medieval Christian demonology), their structure (special attention is paid to the final *pointe*), their style (it is best defined by Makhov’s favorite word *lucidus*); traces of the influence of the reviewed sources on Makhov’s original works are noted, as well as echoes of his oral presentations and lectures for students. The analysis carried out allows us to determine the place of summary papers in Makhov’s scholarly system; see them as a kind of creative laboratory of the scholar.

Keywords: A. Makhov; reference papers; INION journals.

To cite this article: Dovgy, Olga L. ““Digging channels in my head...”: on A.E. Makhov’s summary papers”, *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies*, no. 2, 2024, pp. 9–30. DOI: 10.31249/lit/2024.02.01 (In Russian)

¹ **Dovgy Olga Lvovna** – Doctor in Philology, Senior Research Fellow at the Department of Literary and Art Criticism and Publicism, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University; olga-dovgy@yandex.ru

© Dovgy O.L., 2024

Чтобы посвятить статью рефератам, жанру чисто информационному, а то и вовсе откровенно учебному, нужны веские причины. И лучше всего они определяются любимой маховской фигурой диафоры¹: «есть рефераты и рефераты». Причем диафоры не простой, а двойной.

Диафора первая. Речь пойдет не просто о рефератах, а рефератах, опубликованных в реферативном журнале ИНИОН². С самого основания эти журналы были окном в мир западной филологии, долгие годы недоступный советскому читателю. И сегодня они – по широте представляемого материала и уровню информационно-аналитического освещения – остаются элитарным филологическим пространством.

И тут возникает диафора вторая: это не просто рефераты и даже не просто рефераты для журнала ИНИОН, а рефераты³, публиковавшиеся в течение более 30 лет одним автором – А.Е. Маховым.

Рефераты Махов начал писать примерно с 1993 г. В 1999 г. он стал сотрудником ИНИОНа, написание рефератов вошло в число его служебных обязанностей – и их количество резко увеличилось: в каждом номере журнала обязательно появлялись материалы за его подписью. Почти 30 лет он писал рефераты – и большую часть времени эта работа была ему не в тягость, а в радость. На странице Махова в РИНЦ⁴ представлены 260 рефератов, написан-

¹ Напомним суть этого тропа: «*diaphora*... – повтор того же слова в усиленном, эмфатическом значении.; фигура речи, при которой слово или имя, поставленные дважды подряд, означают разное» [Махов, 2010, с. 441].

² Ссылки на конкретные рефераты Махова, опубликованные в РЖ «Литературоведение», будут приводиться согласно традиции в круглых скобках с указанием года, номера журнала и номера реферата.

³ Повтор в данном случае выступает в роли эмфазы. Махова фигура повтора как мощного художественного средства очень интересовала (хотя трудно найти НЕ интересовавшую его риторическую фигуру) – см., например, финал реферата на статью Д. Кранца, посвященного функциям повтора в шекспировской трагедии: «Мелодия, звучащая в “Макбете”, – это “*discordia concors* деструктивного повтора и провиденциального творения”, <...> парадоксальное сосуществование Божественного и дьявольского» (2004.04.014).

⁴ https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?authorid=72237

ных им в 1998–2018 гг.¹ В компьютере Махова сохранился файл под названием «Рефераты-сводный», в процессе чтения которого и написана эта статья.

В самом общем виде маховские рефераты охарактеризовать довольно просто. Их тематика – история европейской литературы (в первую очередь – романтизма), история европейской и русской поэтики, теория литературы, топика, риторика, музыка и слово, эмблематика, средневековая христианская демонология. Все они обладают сходной структурой: краткие сведения об авторе, общая формулировка проблемы, каркас основных тезисов с обязательным цитированием, финальный пуант (яркая, как правило, парадоксальная цитата из реферируемого текста или маховская итоговая фраза – не менее яркая и парадоксальная). Стиль рефератов лучше всего определяет любимое Маховым горацианское слово *lucidus* – прозрачный, ясный.

Однако при первом же шаге вглубь начинаются сложности. Каждый реферат – законченный, самодостаточный текст, заслуживающий отдельного разговора. Но таких текстов – 260. Как, по какому принципу выбрать примеры? И как объяснить – почему выбираешь одни и не выбираешь другие, столь же яркие? Ответ напрашивается сам собой: надо просто издать эти рефераты. Но представляется небесполезной и попытка дать некоторое общее представление обо всем корпусе маховских рефератов. Это поможет ответить на три «простых», но принципиально важных вопроса: зачем Махову были нужны эти рефераты? в чем их уникальность? зачем они нужны читателю?

Махов имел возможность выбирать статьи для реферирования. Что он выбирал? Что служило «крючком»? Махов всегда начинал оценивать книгу или статью с заглавия и сам умел так озаглавить свои сочинения, что немедленно хотелось их прочитать. Анализируя ранее основные принципы построения маховских заглавий, я упомянула об их связи с заглавиями реферируемых статей, где мы видим те же приемы (и двухчастную структуру, и антитезы, и парадоксы, и странные сближения, и метафорику, и

¹ Список публикаций А.Е. Махова (1984–2022). Рефераты (1998–2018) // Махов А.Е. Избранные сочинения: в 3 т. – Т. 1. О русской литературе / сост., общ. ред., предисл. О.Л. Довгий. – Тула : Аквариус, 2023. – С. 665–691.

лексические операторы «и», «или», «между», etc.) [Довгий, 2022, с. 540]. Начать с заглавий – самый логичный путь при размышлении о маховских принципах отбора материалов для реферирования.

Выше уже были названы основные темы статей и книг, удостоившиеся его обзоров. Что они совпадают с основными темами исследований самого Махова – видно невооруженным глазом. Проще всего решить, что при выборе важными были их общие предметы – «романтизм», «эмблематика», «Средневековье» и т.п. Но среди привлечших внимание Махова книг и статей нет озаглавленных столь прямо и обобщенно.

«Ключевые» для Махова слова обычно действительно содержатся в названиях избранных им источников, но – как правило – в самых неожиданных комбинациях. Например, «поэтика» может сочетаться с эпитетом «неудобоваримая» (2010.04.022), у знака, оказывается, есть гигиена (2004.01.018), а течение литургии может зависеть от физиологических проявлений (2003.01.015). В заглавии статьи М. Шнидера «Игра случая и провидение: метафора игры в кости в “Парцифале” Вольфрама фон Эшенбаха» (2003.04.018) все слова из числа маховских «ключевых»¹; но главное – в том новом смысловом конструкте, который возникает в результате их соединения.

¹ Вспомним маховские статьи, где все эти слова встречаются в заглавиях: Махов А.Е. Метафоры корабля в русской поэзии 10–30-х годов XIX в. : материалы к исследованию образного строя // Литературные произведения XVIII–XX веков в историческом и культурном контексте. – Москва : МГУ, 1985. – С. 38–45; Махов А.Е. Черед бросать кости : Бог, Николай Маркевич, Лев Толстой, Стефан Малларме, Пьетро Чероне, Пьер Булез, Джексон Поллок и другие // Апокриф. Культурологический журнал. – [1993]. – № 2. – С. 70–89; Махов А.Е. (совм. с Довгий О.Л.) Петр и Пушкин : типология судьбы // А.С. Пушкин. Эпоха, культура, творчество. Традиции и современность. Часть 2 (Международная научно-практическая конференция к 200-летней годовщине со дня рождения А.С. Пушкина). – Владивосток : Дальневосточный университет, 1999. – С. 215–223; Махов А.Е. «О верности пойдет рассказ»: Вольфрам фон Эшенбаха и его роман // Вольфрам фон Эшенбах. Парцифаль. – Москва : Русский путь, 2004. – С. 5–20; Махов А.Е. Игра // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл.ред. и сост. А.Н. Николюкин. – Москва : ИНИОН РАН, 2001. – Кол. 285–287; Махов А.Е. «Какой-то демон обладал моими играми...»: Пушкини традиции христианской демонологии // In Umbra : демонология как семиотическая система. Альманах. – Москва : РГГУ, 2015. – С. 331–358.

В заглавиях «видимо далеко во все концы света» – там «и человек, и свет, // И смерть, и жизнь...»¹. Вспоминается пушкинское² – как будто про маховские рефераты написанное:

То Рим его зовет, то гордый Илион,
То скалы старца Оссиана,
И с дивной легкостью меж тем летает он
Во след Бовы иль Еруслана.

[Пушкин, 1977–1979, т. 3, с. 225]

В заглавиях источников, выбранных Маховым, – сопряжение всего со всем, торжество *ars combinatorica* и «странных сближений», триумф многоликого союза «и». Романтизм, Средневековье, демонология, поэтика, музыка, эмблематика, грешники и праведники, звери, чувства, риторические фигуры, Новалис, Гораций, заяц, Клейст, куртуазные злодеи, призраки, компаративистика, метапрагматика, Веселовский, ледники, поцелуи, риторика, поэтика, одиночество, Шекспир, границы тела etc., etc. – не стоят недвижно, а постоянно вращаются, послушные велению лексических операторов «и», «или», «как», вступая в самые невероятные отношения, ломая границы между *res* и *verba*, между уровнями и подуровнями, между «главным» и «второстепенным». Центр конструкции постоянно перемещается; каждый из «персонажей» то оказывается в середине, то отходит на периферию, уступая место новому центру, но никуда не исчезая, а продолжая высвечивать дополнительные нюансы. Например, Гораций в заглавиях присутствует и как историограф (2010.02.011), и как поэт любви (2003.04.015), и как пример выразителя этических категорий

¹ Любимая маховская цитата из Баратынского здесь очень к месту.

² Пушкинские ассоциации в связи с Маховым нельзя назвать натянутыми. Мы не раз затрагивали тему «пушкинского» у Махова: см., например: [Довгий, 2023, с. 5–6, 8–9; 11; Довгий, 2023а] – но это только самое начало разговора. Даже в текстах рефератов найдем доказательства – «окровавленная тень» (взятая в кавычки – откровенно цитатная) в реферате статьи К. Зига о трагедии Шиллера «Мария Стюарт» (2017.04.020); «Отцы-пустынники» – для перевода заглавия статьи У. Хармлесса «Вспоминая вспоминающего Поимена : отцы-пустынники и духовность памяти» память сразу подсказывает Махову пушкинскую строчку (2002.01.017). Гретхен «во второй части становится его “милым демоном”» – еще одна заковыченная пушкинская цитата – в этот раз из «Каменного гостя» (2009.04.017).

(2015.04.008). Можно читать эти рефераты как повествующие о Горации в разных ипостасях, а можно увидеть их как теоретические статьи, где творчество Горация выступает в роли примера. Рефераты, где идет речь о поэтике Китса или Байрона, можно рассматривать как посвященные их творчеству, где сам романтизм выступает в качестве общего фона, а можно увидеть в них исследования самого романтизма методом индукции.

Список заглавий – непрерывное карнавальное остранение. Можно было бы из упоминаемых в заглавии слов составить забавную настольную игру. Эта непредсказуемость и комбинаторная вседозволенность и привлекает Махова. Он не упускает случая отметить факты соответствия читательских ожиданий содержанию реферируемых источников (особенно – если это ожидания чего-то парадоксального): «Рассказчик пролога говорит о мире как слиянии “белого и черного”, добра и зла, он отказывается от четкого различения, подчеркивая смешанность, слиянность полярных начал. Поэтика романа на уровне литературного приема реализует эту установку: Вольфрам “отказывается от четкого различения знака и обозначаемого”; отлично понимая, что знаки отличны от вещей, он предпочитает их соединить, смешать и перепутать» (2004.01.013).

Но наслаждаясь карнавалом и непредсказуемостью, не упустим и повторы слов совсем из другой сферы: «типология», «система», «классификация» (2001.01.015, 2007.02.007, 2012.02.013, 2013.04.017, 2014.02.005). Чтобы показать важность идеи системы для самого Махова, снова обратимся к заглавиям – на этот раз его собственных сочинений¹. Напомним, что его докторская диссертация называлась «Система понятий и терминов музыковедения в истории европейской поэтики» [Махов, 2007].

¹ См., например: Махов А.Е. Бестиарий как подсистема средневековой семиотики // Вестник РГГУ. Серия История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2017. – № 9(30). – С. 20–36; Махов А.Е. Поэтологическая система Новалиса : опыт реконструкции из фрагментов // Литературоведческий журнал. – 2018. – № 44. – С. 165–189; Махов А.Е. Средневековый гнев : две разновидности – две жестово-мимические системы // Вестник РГГУ. Серия Литературоведение. Языковедение. Культурология. – 2019. – № 3. – С. 39–61.

Материалы, выбираемые Маховым, – нередко странные, необычные, парадоксальные¹, нарушающие границы. Именно эти качества часто выступают критерием отбора. Вот, например, как объясняет Махов выбор статьи Э. Казнайер «Высший язык: Новалис о сопричастности человека с животными»: «Элис Казнайер, профессор университета Северной Каролины и специалист по немецкому романтизму, нередко посвящая свои статьи весьма оригинальным темам, и на этот раз обратилась к достаточно странному и маргинальному, на первый взгляд, вопросу о романтическом восприятии животных». Далее Махов с явным удовольствием пишет: «...романтизм, по утверждению Э. Казнайер, рушит возведенную Просвещением границу между человеком и “низшим” миром» животных и создает между ними своеобразную «ауру сопричастности» (2005.02.021).

Еще один принцип отбора источников для реферирования можно обозначить как «взгляд через синекдоху». Маховские рефераты – это царство конкретики. Он терпеть не мог общих рассуждений ни о чем; его всегда привлекали мелочи, детали, нюансы. И для реферирования он выбирал статьи, посвященные вроде бы мелочам – например, постели. И наслаждался тем, как на его глазах (и на глазах читателя его реферата) скромный предмет домашнего обихода превращался в «не столько реалию домашней обстановки, сколько поэтологический троп, выражающий в первую очередь идею “литературной продуктивности”», «передающий и массу иных значений: ведь слово “постель”, занимая важное место в фигуративном языке европейских литератур, входит в состав метафор с самыми различными значениями – философско-метафизическими, поэтологическими, эротическими и т.п.» (2012.01.007). Фонетическая близость латинских слов *lectus* (постель) и *lectio* (чтение) находит подтверждение в сближении сна и чтения, любви и смерти, смерти и творчества. Постель оказывается связанной и с музыкой – в романе «Гинсет» Вольфганга Хильдесхаймера (1965) «фуга постели» оказывается словесным воплощением формы фуги: «“Фуга” представляет собой историю огромной постели, которая во время великой чумы 1522 г. дала приют семи людям, спав-

¹ Все эти определения в понятийной системе Махова обладали ярко выраженной положительной коннотацией.

шим в ней, заражавшим при этом друг друга чумой и тут же, в этой постели, умиравшим. Рассказчик, как выясняется, и сам, спустя четыре с лишним века, лежит в той же постели, повторяя в собственной судьбе трагическую участь своих семерых персонажей. Как в “закрытой” форме фуги все голоса вступают с одной и той же темой, так и здесь все участники вступают с одной “темой” – они входят в действие, ложась в постель и в конце концов умирая в ней» (2007.03.014).

Фактически каждое слово в заглавиях рефератов – это призма, сквозь которую можно рассматривать их универсум. И одно и то же слово, но в разных контекстах – это разные призмы, разные способы постижения всей громады. Например, любимый маховский «Парцифаль». На его примере демонстрируется и игра случая, царящая в мире; и метафорика игры, связанная с тремя темами (сражений, эротики, повествовательного искусства); и метафорическая синонимия (метафора игры оказывается синонимичной метафоре плавания); этот роман интерпретируется и как пример намеренной семиотической двусмысленности (2004.01.013), и как образец средневекового провокативного юмора (2017.02.019); в «Парцифале» значимы и тень липы (2017.04.013), и сны Герцелойды (2017.04.001), и цифры – тройки и двойки (2008.02.012). «Парцифаль» из тех произведений, на которых Махов мог объяснить любые топосы, принципы любой гуманитарной науки; и реферируемые источники давали ему материал и укрепляли уверенность в универсальности любимого романа.

Слова и понятия постоянно вступают в оппозиции – или, наоборот, в отношения временной синонимии, создавая новые и новые пары. И чтение рефератов через эти пары («метафора / метонимия»; «музыка / слово» «душа / тело» и т.п.) – тоже перспективный путь. Приведем несколько примеров интерпретации рефератов сквозь призму различных оппозиций.

Зрение / слух. Эти две сенсорные сферы всегда боролись за право назваться главными в маховском мире¹, и он постоянно ищет и жадно ловит новые и новые значимые «мелочи», новые и новые свидетельства проявления этой оппозиции в самых разных сферах жизни и искусства, надеясь все же обрести ответ на заве-

¹ Находя выражение в двух его главных сферах: эмблематике и музыке.

домо неразрешимый вопрос. Ответ, разумеется, не приходит, а вот углубление и расширение маховских (и читательских) представлений об универсальности этой оппозиции – да: например, при описании потустороннего мира (2002.03.021, 2018.01.011). «Каков звуковой облик ада?» – таков, по мнению Махова, главный вопрос статьи М. Стеггла (2002.03.021). Что больше привлекает Махова? Сама тема? Изображение ада, ему, специалисту по средневековой христианской демонологии, очень интересно. Но тут ведь не просто ад; тут его звуковая сторона – акустика, музыка из числа маховских тем. И еще – уникальность этих изображений, сама парадоксальная формула «звуковые пейзажи мильтоновского ада». Когда-то в дипломной работе он восхищался формулой «пейзаж души» («романтический пейзаж души» Г.А. Гуковского [Махов, 2023, с. 26] и «внутренний пейзаж души» П. Моро [Махов, 2023, с. 55]) – и не просто восхищался, а как всегда у него бывает, взял формулу в свой арсенал и преобразовал: расширение границ «я» лирического героя Вордсворта он определяет как «обращение внешнего пейзажа во внутренний» [Махов, 2023, с. 59]. А тут все сошлось, все соединилось. И описания действительно парадоксальны: «...ад пугается всякого шума; по самой своей сути он акустически раним, он воспринимает шум как угрозу». А акустика рая у Мильтона, как выясняется из реферата статьи М. Стеггла (2002.03.021), гораздо богаче: «европейская традиция описания ада в эпосе Мильтона подвергнута инверсии: местом “нескончаемого звука” оказывается не ад, а рай; сам же “нескончаемый звук” трактован не как пытка, а как небесное наслаждение». «Инверсия» – один из любимых терминов Махова из области риторики. А риторические интерпретации во всех сферах – его ключевой метод. Думается, и здесь его привлекла мильтоновская риторическая игра. В выводе реферата причудливо – как любит Махов – соединились биография, сенсорика, поэтика: «Уникальность адской акустики у Мильтона отчасти находит объяснение в его биографии. Для слепого поэта, по замечанию одного из его биографов, “уши стали глазами”. Это означает, что звуковые образы для Мильтона в известной мере стали заменой образов зрительных, и в таком случае мотив “ужасного молчания”, царящего в аде, можно понять как вариацию-аналог другого знаменитого мильтоновского образа –

“зримой тьмы” (darkness visible), в которую ад погружен так же, как и в молчание».

Хаос / космос. Эта оппозиция ощущается Маховым как релевантная для него самого (маховские научные миры – это космос, это строгая система, при всей свободе межмирных переходов), и он неоднократно отмечает ее и в реферируемых источниках: «космосу» королевского (в частности, артуровского) двора противопоставит «хаос» мира, сотканного из *âventiuren*, случайностей» (2003.04.018); в день Страшного суда «“музыке” хаоса будет... противостоять радостное пение воскресших праведников: испанский автор свой акустический пейзаж Страшного суда строит на оппозициях “порядок / беспорядок; гармония / шум; человеческое пение / животные крики и громкий, пугающий шум”» (2018.01.011); «У Сенеки и у Шекспира находит выражение одна и та же весьма древняя идея: человеческий поступок имеет космическое измерение, он может влиять на состояние мира. Моральный порядок и порядок космоса составляют некое единство: нарушение морального порядка греховным, несправедным поступком влечет за собой нарушение порядка космического: хаос – следствие вины или (в христианской терминологии) греха» (2005.03.017).

Крик / молчание. Эта оппозиция – из числа универсальных в топике выражения эмоций. Махов реферирует статью, где эта оппозиция рассматривается на более конкретном материале – способы выражения скорби; и даже еще более узко – скорби богов в трех литературных памятниках Месопотамии. Эмоция может выражаться и в крике, и в молчании. Спонтанная, личностная реакция во всех анализируемых текстах либо предшествует «правильному» ритуализованному трауру, либо следует за ним. Крик или молчание в ситуации скорби (причем далеко не только в литературе Месопотамии) – это по сути синекдоха, приглашающая интерпретировать эмоциональное состояние человека по детали. Но вывод из статьи – неожиданный: «Однако те или иные действия скорбящего не всегда можно однозначно отнести к одному из типов поведения – спонтанно-личному или ритуально-социальному.... В этой неразличимости социального и индивидуального, непосредственного и опосредованного – главный парадокс поведения скорбящего в ситуации траура» (2009.02.013). Концовка статьи выводит на топикунепредсказуемости, парадокса, что может

направить мысль по совсем новому пути – например, по пути размышлений о роли парадокса в человеческом поведении.

Идея быстрого переключения между мирами была очень близка Махову – и в реферируемых материалах он отмечает сходные настроения авторов: «“О если бы я мог прорыть в моей голове каналы, чтобы ускорить внутреннюю торговлю между складами моих мыслей!” – записывает он <Лихтенберг. – О. Д.> в одном месте...»; чтобы «“понятия” свободно “плавали” в голове в некоем “подвешенном” состоянии, как плавают элементы в химическом растворе» (2017.04.004). Материалы, позволяющие включать режим «свободного плавания» между собственными научными мирами, он и выбирал для реферирования. Но его всегда интересовал сам процесс этого перехода, вечное КАК, сами «шифтеры»¹ (Махов чаще использовал выражение «лексические операторы»), регулирующие, делающие возможными эти переключения. Лексический оператор «между», «интер» – возможно, один из лучших проводников по мирам Махова² и по миру его рефератов в частности. Махов очень любил формулу А.Н. Веселовского *res nullius*. Топос «ничьей земли», приемы, позволяющие «описывать и постигать», привлекают его и в реферируемых материалах: «...встает вопрос о создании эстетической теории интермедальности, которая позволила бы описывать и постигать взаимодействие видов искусства, происходящее на нейтральной, ничейной территории – в области “между” (zwischen), которая пока остается terra incognita для эстетической рефлексии...» (2006.02.009). Вопрос «Как сделано?» всегда был для него ключевым³. Система многофункциональных лексических операторов всегда присутствует в его сочинениях. Например, в только что вышедшей второй части «Эмблематики» он постоянно пишет о лексических маркерах стоицизма (*constantia, aequalitas*) [Махов, 2024, с. 32], автаркийности (*entier*) [Махов, 2024, с. 35], прагматической подозрительности (*cave!, tutus*) и т.п. [Махов, 2024, с. 55]. Иначе говоря, ему нужно

¹ В значении «переключатель».

² О его функциях в маховских заглавиях нам уже приходилось писать: [Довгий, 2022, с. 537].

³ Мы с Маховым часто смеялись: «Все мы вышли из “Шинели”. Эйхенбаумовской».

не просто свободное передвижение между мирами, но одновременное подробное описание этого процесса.

Метафоры – удобные шифтеры, маркеры; метафорика – универсальная призма; она присутствует почти во всех рефератах. И тут тоже проявляется личный интерес Махова. Теория метафоры, метафорические коды в поэтике, в демонологии – это всё маховские постоянные темы¹. Метафора души/тела определила структуру последней книги Махова; система разнообразных метафор служит выражением души как системы смыслов [Махов, 2024]. Так что ничего удивительного нет в том, что среди выбранных для реферирования работ есть посвященные использованию различных метафор как «эвристических или экспликативных моделей» – например, в компаративистике: «...теория жанров использует по крайней мере четыре “глубинные метафоры”: биологическую, семейную, институциональную и метафору “речевого акта (Sprechakt)”» (2016.02.001).

Особенно интересуют Махова метафоры в сфере поэтики. Многим запомнился его доклад на 6-м bestiarii в 2016 г., где в заглавии он применил операцию замены: «*Lepus*² in fabula. Движение зверя как метафора поэтического сказывания» [Махов, 2018]. И в рефератах встретим множество примеров самых разных метафорических кодов. Яркие цитаты он включал в свой текст обязательно. Вот пример архитектурного кода: «Паулин пользуется формами римской поэзии не как варвар, который без разбора ворует кирпичи из древнего храма для собственной постройки, но как поэт-филолог...» (2003.01.014). Вот – поэтологические метафо-

¹ Приведем несколько заглавий маховских сочинений, где встречается слово «метафора», начиная с самых ранних: Махов А.Е. Метафоры корабля в русской поэзии 10–30-х годов XIX в.: материалы к исследованию образного строя // Литературные произведения XVIII–XX веков в историческом и культурном контексте. – Москва: МГУ, 1985. – С. 38–45; Махов А.Е. Демонология святых отцов как метафорическая структура // Одиссей: Человек в истории. – 2007. – С. 38–81; Махов А.Е. Стоицизм и его метафоры в книжной эмблематике // Одиссей: Человек в истории. – 2021. – С. 145–175; Махов А.Е. Визуальные метафоры стоической морали в книжной эмблематике раннего Нового времени // Золотые соты: сб. статей в честь Евгения Владимировича Пчелова. – Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2022. – С. 218–225.

² Вместо *lupus in fabula*. Всего одна буква; снова любимая Маховым паронимасия, а на уровне семантики очень важная замена: «заяц» вместо «волка».

ры собственности: гомеровские эпитеты «образуют как бы общественную собственность, некий коллективный, единый и неделимый фонд, на участие в котором каждый персонаж имеет равные права» (2001.02.006). Вот – метафора на грани приличия: картина некоего Галатона «Апофеоз Гомера», известная по описанию Элиана: на ней Гомер изображен «извергающим», а все прочие поэты – «тем, что он извергает» (2007.01.015). Именно эта метафора была усвоена эмблематикой, причем в еще более обценно усиленном виде: «На *pictura* из эмблемы Гийома де Ла Перьера... изображен Гомер, стоящий на горе среди облаков; он справляет малую нужду в фонтан, к которому сходятся поэты, чтобы испить из него гомеровой мочи» [Махов, 2024, с. 190]. Оппозиции вкусовых метафор сладости / соли посвящен отдельный реферат статьи М. Каррутерс (2007.03.016).

А вот – несколько примеров бестиарной поэтологической метафорики. «Когда Кант и Гердер просили Гаманна выразиться яснее, он отвечал им, “что не всем же дано быть пауками, плетущими системы...”» (2001.01.015). Э. Казнайер говорит в этой связи даже о «зооцентричности» романтической поэтики, вспоминая о том, что и в известном определении жанра фрагмента у Ф. Шлегеля возникает анималистическая метафора: фрагмент «должен быть завершённым в самом себе, как еж». Сравнение главной романтической литературной формы со зверем связывает поэтический энтузиазм с «животной жизненной силой» (2005.02.021). «Китс – своего рода поэт-хамелеон, он адаптировал в собственном стиле не только элементы поэтики Спенсера, Ханта, Шекспира, Мильтона, Драйдена и Вордсворта, но и современной ему женской поэзии» (1995.03.010). Собака в «Титуреле» Эшенбаха «оказывается не аллегорической фигурой вестницы, но неким «мифическим единством зверя и письма»: не случайно повествователь называет ее «добровольным посланием» (2011.03.012). «Толпа... это животное, или скорее чудовище, у которого множество голов; и потому, в соответствии с многообразием природ [людей], постоянно должно использоваться множество изобретений (*varietie of invencion*)» (2016.04.010). «Героическая поэма, подобно животному, в котором соединены две природы, состоит из подражания (*imitazione*) и аллегории» (2016.02.013). Примеры можно множить и множить.

Вообще, упоминание зверей в заглавии давало хороший шанс материалу привлечь внимание Махова и быть отреферированным, как это случилось, например, со статьей И. Дайнс (2005.04.016). Эта статья – из числа посвященных любимым Маховым «мелочам»; в данном случае – «парадоксу зайца»: «...в средневековой символикe уживались два совершенно разных зайца, восходящие к разным традициям: морально сомнительный заяц античных физиологов (он же – “нечистый” заяц книги Левит и Второзакония) и заяц (а на самом деле псевдозаяц) 103-го Псалма, удостоенный присутствовать при открытии величайших тайн творения. Этот “другой заяц” (*Ierusculus Domini*), будучи как бы *alter ego* настоящего зайца, обладает, в отличие от последнего, безупречным моральным обликом» (2005.04.016). «Другой заяц» будет фигурировать и в эмблематической диалогии Махова [Махов, 2014; Махов, 2024] – «морской заяц», к которому имел странное пристрастие Жюль Коррозе: «В эмблеме Жюль Коррозе с пессимистическим *inscriptio* “Опасность и угроза со всех сторон” (N 230) изображен заяц, преследуемый собаками, прыгающий в море и там настигаемый морским зайцем... Можно лишь предположить, что Коррозе введением этого “двойника”¹ хотел указать на особую опасность, исходящую от наших ближних, и в таком случае аналогия читается следующим образом: как заяц, спасающийся в море, гибнет там от другого зайца, так человек, ищущий спасения у другого человека, находит гибель» [Махов, 2014, с. 98].

Махов никогда не писал о том, что ему неинтересно. Вернее – он любой материал мог повернуть так, что тот оказывался нужным для какой-то из его собственных сфер; а значит – интересным и полезным. В рефератах как нельзя лучше проявляется его уникальное свойство делать чужую мысль своей. Для Махова не существовало чужой территории – он мгновенно осваивался и в новых городах, и в новых текстах, встраивая их в свою собственную систему. Нечто подобное описал Пушкин в «Египетских ночах»: «Как! Чужая мысль чуть коснулась вашего слуха и уже стала вашей собственностью, как будто вы с нею носились, лелеяли, раз-

¹ Отметим слово «двойник» как переключку с *alter ego* реферлируемой статьи. И путь от слова «двойник» к очень важной для Махова топике зеркала, которой посвящен специальный реферат (2000.03.004).

вивали ее беспрестанно. <...> Так никто, кроме самого импровизатора, не может понять эту быстроту впечатлений, эту тесную связь между собственным вдохновением и чуждой внешнею волею» [Пушкин, 1977–1979, т. 5, с. 251]. Чужая мысль становилась настолько своей – что он мог смело выражать ее совершенно иначе, и эта новая одежда часто оказывалась ей гораздо более к лицу. Махов обходился с чужими текстами по-хозяйски, используя четыре классические комбинаторные операции (прибавление, убавление, перестановка, замена).

Чтение самих реферируемых сочинений после маховских рефератов иногда бывает этим сочинениям не на пользу: Махов снял с них все сливки – выделил главное, расставил акценты, отметил самые яркие цитаты, дал запоминающийся вывод.

В принципе, все рефераты могут рассказать нам о Махове, о какой-то стороне его вселенной – других он и не писал. Но есть рефераты – особенно верные зеркала; в них Махов глядится более пристально. Таков уже упоминавшийся нами реферат статьи П. Макгиллен о черновых записях Лихтенберга (2017.04.004). Здесь, возможно, и таится ключ к разгадке феномена важности рефератов для Махова – нужно вчитаться в цитаты, которые Махов выбирает из этой статьи. Во-первых, изменение взгляда на черновые заметки, которые Лихтенберг «сам называл “Sudelbücher” (от глагола “sudeln” – “писать наскоро, начерно, неряшливо; намарывать»)). Их и воспринимали как собрания афоризмов в неготовом, черновом виде. Но П. Макгиллен увидела в них нечто совершенно иное: «по ее мнению, “Sudelbücher” Лихтенберга с их непредсказуемым соединением разнородных идей представляют собой не предварительный вариант неких готовых текстов, но орудие интеллектуального поиска, механизм постоянного эвристического экспериментирования». Вот тут-то нам и видится ключ, зеркало: «скромные» маховские рефераты – это не просто служебная обязанность, счастливо оказавшаяся интересной и полезной; это действительно его *copia rerum* и *copia verborum*, это творческая лаборатория. Сам Махов о себе этого не стал бы писать, а вот реферат о Лихтенберге помогает нам открыть то, что оставалось скрытым. Как устроены эти записки (читай: маховские рефераты): «Писатель конденсирует в них разнородный материал (научные наблюдения, собственные мысли, выписки из чужих текстов и т.п.) самым па-

радоксальным образом, заставляя эту комбинаторную игру служить эвристической цели – порождению новых идей»; это «“книга общих мест” (commonplace book, Kollektaneen-Heft, florilegium): записная книжка, в которую вносились выписки из прочитанного, рубрицированные по «местам» (loci, topoi); эти записи служили владельцу материалом для создания его собственных текстов... Гуманист и педагог Иоахим Юнгий (Jungius; 1587–1657) уподобляет книгу общих мест “сокровищнице”, в которую потенциально может быть включено все что угодно, ибо “нет области столь отдаленной и автора столь темного, чтобы они не могли принести какого-либо знания”». «Лихтенберг, как и составители книг общих мест, стремится включать в свои записи любой материал, попадающий в его интеллектуальный кругозор, принципиально отказываясь от каких-либо ограничений... “Метод черновых тетрадей (Schmierbuch-Methode) рекомендовать как наилучший. Не оставлять незаписанными ни одного оборота, ни одного выражения. Богатство приобретается сбережением даже грошовых истин”...»¹. Махов отмечает мысль о «несомненном преобладании у Лихтенберга функции inventio над прочими»: “Sudelbücher” мыслятся их составителем “не только как склады материала, но как инвенционные инструменты”, орудия мысленного эксперимента». И еще важна для Махова сама форма этих записей: «Новой задаче соответствовала и особая, динамическая организация “Sudelbücher”, в которых разнородные идеи не только ставились рядом, но и пронизывались многочисленными перекрестными ссылками. Собранные записи фактически “находились в состоянии движения, так что их можно было постоянно и продуктивно перерабатывать”...» Все вышесказанное – накопление большого разнородного материала, доступность, динамичность, возможность любых комбинаторных действий при использовании – в полной мере справедливо для маховского отношения к материалам рефератов. Махов часто сравнивал свой мозг с инвенционным процессором по принципу оппозиции с жестким диском, сохраняющим информацию. Но и жесткий диск памяти не подводил его – яркие примеры из рефери-

¹ Безусловно, Махову здесь припомнилась пушкинская цитата из «Скупого рыцаря».

руемых источников постоянно всплывали в его сочинениях, лекциях и просто разговорах. Он щедро делился знаниями.

Например, в лекциях по риторике Махов рассказывал о том, как Клейст иронически трансформирует классический порядок подготовки речи: *inventio-dispositio-elocutio*. Подготовленная устная речь, в трактовке Клейста, обречена на провал. Эта информация – из статьи О. Ласкариду (2012.04.026). В своей последней книге «Эмблематика: микрокосм», комментируя эмблему И. Каме-рария «Аврора благосклонна к музам» (*Musis Aurora benigna*), Махов рассказывает о топосе ночных занятий и выражающем его глаголе *lucubrare* (жечь полночное масло) [Махов, 2024, с. 257], ссылаясь на статью, отреферированную им в 2017 г. (2017.02.016).

В реферате о Платоне и Гёте появляется фраза, которая потом будет очень занимать Махова: «Характерно, что в монологе Фауста появляется глагол *ziehen* – “тянуть”, который определит вертикальное движение души героя в самой последней строке всей поэмы: “Вечная женственность тянет (*zieht*) нас вверх”» (2009.04.017). Махова эта строчка не отпускала много лет. Он говорил о ней студентам на лекциях, выступил с докладом и написал статью [Махов, 2020]. Этот пример хорош еще и как очередная иллюстрация маховской инвенционности и независимого взгляда на текст: исследователи обычно сосредотачиваются на топосе «Вечная Женственность», а Махов – на глаголе «тянуть»¹. В общем – это снова взгляд через синекдоху, через «мелочь».

Одну из причин важности рефератов для Махова можно сформулировать, применив его любимую фигуру паронимасии², – «ободрение / одобрение»³. Начав писать рефераты в молодые годы, Махов – фактически – оказался в совершенно новой «школе». Или – вернее – «университете». Эта «школа / университет» – мир западной филологии. А Махов очень любил учиться. И там он увидел, что можно писать обо всем, что кажется интересным. А самое главное – увидел, КАК можно писать: «свободно и сво-

¹ Махов сам обратил на это внимание при произнесении доклада.

² Он произносил и писал это слово именно так, с ударением на предпоследний слог.

³ Эту пару знал Пушкин, знал наш общий любимец граф Хвостов, см.: Довгий О.Л. Тритон всплывает: Хвостов у Пушкина // Граф Дмитрий Иванович Хвостов. Сочинения. – Москва: INTRADA, 1999. – С. 52.

бодно». И эта «школа», эта «прививка» помогли Махову, чей способ мышления и стиль изначально были оригинальны до странности, поверить в себя и вырасти.

К Махову часто применяли формулу «энциклопедически образованный ученый». Он воспринимал это отношение с обычной своей самоиронией и как-то шутливо заметил: «Вся моя образованность – от рефератов». В этой шутке немалая доля истины.

У Махова есть статья «Перевод – присвоение: чужое слово инкогнито» [Махов, 1993], где речь идет о тех метаморфозах, которые происходят с поэтическим текстом при переходе из одной литературной системы в другую. Нам представляется, что маховские рефераты – это тоже «перевод-присвоение». Рассказывая о любом тексте, Махов меняет его, «переводит» на свой язык, встраивает в свою систему. Текст становится маховским – и ему это только на пользу. Говоря о маховских рефератах – мы оказываемся в мире Махова, вернее – в системе его миров. Рефераты вроде бы сухой жанр. Но не в случае Махова. Он разрушает границы жанра. Или – лучше сказать – обновляет.

Если прочитать весь корпус маховских рефератов, от самых ранних до самых последних, станут особенно ясно видны «внутримаховские связи» – кровеносные сосуды, соединяющие его научные миры в единый организм; или, если отбросить излишнюю метафоричность, переключки с другими сочинениями, устными выступлениями, лекциями для студентов.

В последнем докладе Махова¹ и статье, подготовленной мною по этому докладу уже после его ухода [Махов, 2022], сошлись многие линии рефератов: вечная оппозиция зрения и слуха, интерес к звукам и цветам рая и ада (2002.03.021); термин «хромофилия» в отношении Средневековья, придуманный Моникой Шаустен (2009.04.013); три капли крови на снегу в «Парцифале» (2004.01.013) и даже разноцветная волшебная собачка Petit criu в «Тристане» Готфрида Страсбургского (2013.01.015).

Как читать маховские рефераты? И как писать о них? Как о космосе. В одном из текстов, посвященных все тому же «Парци-

¹ Доклад был прочитан 20 октября 2021 года на XIII Мелетинских чтениях «Что там – на том свете? Потусторонний мир в текстах культуры» 20 октября 2021 г.

фалю», сказано: «Согласно известному рассуждению Боэция («Утешение философией», IV, б), все то, что расчленено и приведено в хаотическое состояние судьбой (*fatum*), внутри провидения (*providentia*) упорядоченно, едино, целокупно, – нам нужно лишь уметь увидеть события с точки зрения провидения» (2003.04.018). Так и мир маховских рефератов на первый взгляд может представляться бездонным хаосом, бесконечным пестрым карнавалом. Но на деле это космос – просто нужно увидеть законы, по которым он устроен. Чтобы понять этот мир – нужно разобрать его до мельчайших деталей, затем снова собрать уже по новым принципам. Однако это формат не статьи, а диссертации. Есть разные возможные пути чтения рефератов – их бесконечно много. И каждый раз их мир будет представать странным и новым. Но всегда огромным, волнующим и никогда не понятным до конца.

Подведем итог. Перед нами стояли три вопроса: зачем рефераты были нужны Махову? Чем эти рефераты отличаются от обычных сочинений этого жанра? Зачем они читателю?

Ответы наши очень просты. Рефераты – один из миров научного космоса Махова, причем едва ли не центральный, как ни странно это звучит в отношении «вторичного» жанра. Это его *copia rerum* и *copia verborum*, это своего рода творческая лаборатория; это высокая планка, которую Махову всегда хотелось и часто удавалось преодолеть, это ободрение и одобрение, это стимул для дальнейшего движения его собственной мысли, всегда новаторского, часто ставящего в тупик, всегда разрушающего границы. В каком-то смысле эти рефераты – «тень несозданных созданий», это сочинения Махова, которые ему хотелось бы написать и которых он уже не напишет.

Эти рефераты – эталон, самая высшая степень качества этого жанра. Они отвечают всем требованиям к жанру: информативны, структурированы, лаконичны – дают полное представление о содержании реферируемого источника. И в то же время они значительны сами по себе; иногда даже как будто возвышаются над источником.

Чтение рефератов Махова позволяет соединить две главные цели любого когнитивного процесса: *prodesse* / *delectare*. Новый читатель, еще не знакомый с творчеством Махова, получит новую (возможно эксклюзивную) информацию – и одновременно увидит,

какими живыми, яркими, парадоксальными могут быть статьи, казалось бы, «скучного» жанра; какое они могут приносить удовольствие от текста. И откроет для себя имя Махова.

Читатель же, хорошо знакомый с собственными работами Махова, порадуется открытию еще одного его мира.

Рефераты следует издать в полном объеме как минимум по двум причинам: 1) их научная новизна не исчезла с годами, многие темы остались известны только благодаря маховским рефератам; 2) они важная часть научного космоса А.Е. Махова, детальное изучение которого еще впереди.

Список литературы

1. *Довгий О.Л.* Между антитезой и conciliatio : из наблюдений над львиной системой заглавий // «В ответ на лучшие дары» : венок к 63-му дню рождения Александра Евгеньевича Махова. – Тула : Аквариус, 2022. – С. 531–541.
2. *Довгий О.Л.* Магический кристалл Александра Махова // Махов А.Е. Избранные сочинения : в 3 т. – Тула : Аквариус, 2023. – Т. 1. – С. 3–12.
3. *Довгий О.Л.* А.Е. Махов – пушкинист // Болдинские чтения : сборник материалов международной научной конференции, Нижний Новгород, 12–16 сентября 2022 года. – Нижний Новгород : Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2023а. – С. 182–190.
4. *Махов А.Е.* Перевод-присвоение : чужое слово «инкогнито» (с изменениями) // Российский литературоведческий журнал. – 1993. – № 3. – С. 13–23.
5. *Махов А.Е.* Черед бросать кости : Бог, Николай Маркевич, Лев Толстой, Стефан Малларме, Пьетро Чероне, Пьер Булез, Джексон Поллок и другие // Апокриф. Культурологический журнал. – 1993а. – № 2. – С. 70–89.
6. *Махов А.Е.* Система понятий и терминов музыковедения в истории европейской поэтики : дис. ... д-ра филол. наук / Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ). – Москва, 2007. – 415 с.
7. *Махов А.Е.* Фигуры // Европейская поэтика от Античности до эпохи Просвещения: энциклопедический путеводитель. – Москва : Изд-во Кулагиной-Intrada, 2010. – С. 437–455.
8. *Махов А.Е.* Эмблематика : макрокосм. – Москва : Intrada, 2014. – 600 с.
9. *Махов А.Е.* Lepus in fabula. Движение зверя как метафора поэтической речи (разрозненные заметки к возможной теме) // Бестиарий движений. – Тула : Аквариус, 2018. – С. 167–176. – (Res et verba ; 6)
10. *Махов А.Е.* «...Тянет нас вверх» : топос в заключительных строках «Фауста» Гёте // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2020. – № 9–2. – С. 161–168.

11. *Махов А.Е.* Расщепленный свет : колористика средневековых описаний рая / подгот. текста О.Л. Довгий // Фольклор : структура, типология, семиотика. – 2022. – Т. 5, № 3. – С. 152–159.
12. *Махов А.Е.* Избранные сочинения : в 3 т. / сост., общ. ред., предисл. О.Л. Довгий. – Тула : Аквариус, 2023. – Т. 1 : О русской литературе. – 720 с.
13. *Махов А.Е.* Эмблематика : микрокосм. – Тула : Аквариус, 2024. – 356 с., 130 л. вклейка.
14. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений : в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) ; Текст проверен и примеч. сост. Б.В. Томашевским. – 4-е изд. – Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. – Т. 1–10.